

Вспомнив о Гу Фэне, Гу Мо снова почувствовал раздражение. Несколько дней назад Гу Фэн передал ему сообщение, что хотел бы увидеть Сяо Доумяо. Гу Мо поручил посыльному передать Гу Фэну ответ. Этот ответ он обдумывал несколько дней, и он был весьма завуалированным. В общем, он спросил, может ли Сяо Доумяо взять фамилию Гу, чтобы семья Гу могла продолжиться. Он даже придумал имя — Гу Вэйго. Какое прекрасное имя, полное преданности Великой Ю! Звучало очень прогрессивно.

Однако той же ночью, когда он уже собирался спать, на его кровати внезапно появилось письмо. Хорошо, что это был он, ведь он уже привык к таким странностям после того, как пережил путешествие во времени. Кто-то другой на его месте, наверное, обмочился бы от страха! «Гу Мо не стал бы говорить, что он уже привык, хотя каждый раз всё равно хотел немного поактёрствовать». Открыв письмо и увидев почерк, Гу Мо сразу же сделал каменное лицо.

Письмо было написано вторым принцем Инь Цином, а подписано он был своим литературным именем — Чан Сюй (Чан означает длинный день или свободный путь). Использование литературного имени было очень вежливым, как будто они были близкими друзьями.

«Фу! Если бы не уважение к Гу Фэну, Гу Мо даже не стал бы читать это письмо».

Хотя, с другой стороны, второй принц, вероятно, тоже общался с ним только из уважения к Гу Фэну. Подумав об этом, Гу Мо немного оживился.

Письмо было недлинным, но чтение и понимание классического китайского языка никогда не было сильной стороной Гу Мо. Он поднял голову, чтобы найти тайного стража, которого второй принц назначил ему (на самом деле Сяо Доумяо), но, как только он взглянул на него, страж исчез. Не оставив ни единого следа. Гу Мо сдержал желание попросить кого-то перевести письмо и потратил почти всю ночь, чтобы примерно понять его содержание.

Если подытожить основную мысль, письмо рассказывало историю о человеке, жившем в эпоху, более древнюю, чем Великая Ю, который встретил оленя. После множества испытаний он доставил оленя на вершину горы, где тот пережил небесную катастрофу и стал божеством горы. Олень достиг просветления, а человек и его осёл тоже вознеслись на небеса. Эта история... пропагандировала традиционную культуру, утверждала, что добро вознаграждается, а зло наказывается...

«Что за чушь? Что хотел сказать второй принц? Кто был оленем? Сяо Доумяо или Гу Фэн? Такое чувство, будто его вежливо отвергли, было неприятным».

На рассвете Гу Мо внезапно понял, что, судя по характеру второго принца, он, вероятно, считал себя оленем, который должен взойти на вершину и стать божеством горы. Гу Фэн был тем, кто помогал ему, а Гу Мо... был ослом. В конце концов, он получил бы титул «Небесный генерал с божественными ногами».

Что касается того, должен ли Сяо Доумяо носить фамилию Гу, это никогда не было в планах второго принца. Сяо Доумяо был слишком мал, чтобы понимать, что лучше — фамилия Инь или Гу. Он не понимал всех прав и обязанностей, связанных с фамилией. Гу Фэн имел наибольшее право голоса, но он всегда следовал приказам Инь Циана. Только Гу Мо постоянно сопротивлялся.

Ань Шаохуа тоже отвлекся. Он смутно вспомнил, как во сне он сегодня взял Юэ'э «в гости» в родительский дом, и они вернулись только с наступлением темноты. Весь день он плохо ел, пил... не говоря уже о выпивке. Весь день он слушал, как женщины плачут, и накопил кучу

раздражения. Он выпил чашку за чашкой холодного чая, а вечером Юэ'э всё ещё плакала, повторяя, как её тётя все эти годы была добродетельной и терпеливой, но теперь её довели до такого состояния из-за любовницы. Она умоляла Ань Шаохуа поговорить с его отцом и матерью, чтобы они заступились за неё и её детей. По сути, она хотела, чтобы он использовал имя маркиза Чжунъюна, чтобы оказать давление на её дядю Жуань Сивэня. Ань Шаохуа успокаивал её до глубокой ночи, и сам не выспался.

Во сне, из-за недосыпа, на следующий день, когда он пошёл в Палату наказаний, чтобы закрыть отпуск, он всё ещё чувствовал себя сонным, что вызвало насмешки коллег. Случайно он услышал, как кто-то упомянул, что дело дома маркиза Цзинъяна было раскрыто 19 февраля, а глава управы Цзинчжао закрыл его уже утром 21 февраля. После этого дело было быстро передано в Цензурат и Верховный суд, и в ту же ночь виновные были арестованы, а их дома конфискованы. Это было невероятно быстро.

Что касается подробностей дела, обвинений и наказаний, Ань Шаохуа не мог вспомнить. У него не было никаких воспоминаний об этом. В общем, дело было закрыто удивительно быстро, что заставляло задуматься... возможно... всё было сделано поспешно.

Почему-то Ань Шаохуа чувствовал, что если он ничего не сделает, всё пойдёт так же, как во сне, без малейших отклонений.

Все сидящие за столом погрузились в свои мысли. Супруга маркиза Чжунъюна смотрела на трёх детей перед собой — все они были хорошими детьми. Она подняла чашку с чаем, сделала глоток и обратилась к Ань Шаохуа:

— Вчера я слышала, что Сяо Юйлоу тоже погибла в этом деле с домом маркиза Цзинъяна. Теперь, возможно, придётся искать замену для представления на банкете в честь дня рождения вашей бабушки. Ваша старшая невестка пришла утром как раз обсудить это.

Ань Шаохуа, всё ещё беспокоясь о деле, ответил рассеянно, но всё же спросил:

— А что предложила старшая невестка?

— Что она могла предложить? Она бы хотела, чтобы мы пригласили монахов из храма Баохуа, чтобы они несколько дней читали сутры, пожертвовали немного денег на храм и зажгли лампу долголетия для вашего брата. А через несколько дней устроили бы благотворительную кухню и аптеку, чтобы накопить заслуги для всей семьи. Может быть, тогда появится законный наследник.

Мать редко говорила так язвительно. Что с ней сегодня? Ань Шаохуа не понимал. Однако мать сменила тему:

— Мо, твоя бабушка очень любит спектакль «Му Гуйинь принимает командование». Хотя она никогда не говорила об этом при вас, в частных беседах она всегда жалела, что никогда не слышала, как ты его исполняешь.

Гу Мо слегка наклонился:

— Понял, мать.

Затем он сжал губы. Ань Шаохуа часто видел, как он делает это, но так и не понял, в каких ситуациях Гу Мо любит так поступать. Ань Шаохуа подумал, может быть, Гу Мо считает, что выступить на сцене — это унижительно?

В конце концов, второй сын Гу когда-то был яркой и заметной личностью, император лично встречал его несколько раз и хвалил. Но теперь... Если мать так сказала, то отказаться нельзя. Независимо от желания Гу Мо, он должен был выступить, и выступить хорошо. На банкете в честь дня рождения бабушки каждое действие было лицом семьи Ань. Подумав об этом, Ань Шаохуа решил воспользоваться моментом и предложить матери выделить Гу Мо несколько слуг, чтобы ему было удобнее выходить из дома.

Но как только Ань Шаохуа открыл рот, чтобы говорить, Гу Мо заговорил первым:

— Мама, я думаю, если мы всё ещё хотим пригласить «Юйтанчунь», это возможно.

— О? — Мать посмотрела на Гу Мо, окинула его взглядом и вдруг улыбнулась. — Что, захотелось сыграть?

Гу Мо смущённо улыбнулся:

— Да, давно не играл, руки чешутся.

Ань Шаохуа обернулся и посмотрел на Гу Мо. Солнечный свет падал ему за спину, окутывая его золотым сиянием, и даже волоски на его лице казались сияющими. Ань Шаохуа вдруг вспомнил строчку из стихотворения: «Цзун Чжи, изящный и прекрасный юноша».

Попрощавшись, Ань Шаохуа, всё ещё беспокоясь о делах в Палате наказаний, почувствовал тревогу. Он сделал круг по двору, собираясь пойти к матери, чтобы обсудить вопрос с слугами для Гу Мо, как вдруг услышал звуки детского чтения из Обители «Верните мне мои книги», доносящиеся издалека. Время от времени слышался голос Гу Мо, распевającego свои партии, с переливами и модуляциями.

— Господин!

Ань Шаохуа остановился и увидел матушку Лин. Матушка Лин была одной из четырёх служанок, которые сопровождали его тётю в качестве приданого. Её звали Лин Сян, и её родители были старыми слугами семьи, которые всю жизнь служили в доме. Когда матушка Лин ушла с тётей, вся семья была передана ей. Теперь матушка Лин вернулась.

Подумав об этом, Ань Шаохуа почувствовал, что что-то было не так, но не мог вспомнить, что именно.

Матушка Лин подошла, поклонилась и, немного подумав, сказала:

— Господин, я, старая служанка, осмеливаюсь попросить вас об одолжении.

С этими словами она поклонилась ещё ниже и не поднималась, продолжая:

— Господин, когда наложница выходила, в доме Жуань произошли некоторые события. За эти дни наложница не могла успокоиться. Я знаю, что с древних времён не было обычая, чтобы наложницы возвращались в родительский дом. Но я прошу вас, сжальтесь над искренними чувствами наложницы. Могу ли я одна сходить в дом Жуань и спросить, как поживает госпожа Жуань, чтобы наложница могла успокоиться? Как вы на это смотрите?

Автор хотел бы сказать:

Однако автору нечего сказать.

<http://bllate.org/book/16674/1529347>